

УДК 398.224(=512.156)(510)
DOI 10.25587/u5980-8726-6533-m

Ж. М. Юша

Институт филологии СО РАН

ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗАНИЯ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ ТУВИНЦЕВ КИТАЯ

Аннотация. Фольклорная традиция тувинцев Китая до начала XXI в. является живой и функционирующей системой. Особое место в ней занимает героический эпос – *узу* *тоол*. В статье проанализирована специфика бытования героических сказаний на современном этапе. Эпическая традиция тувинцев Китая в наши дни представлена локальными вариантами тувинских сказаний, которые известны российским и монгольским тувинцам. Героические сказания китайских тувинцев имеют признаки единой общетувинской эпической традиции, но в то же время обладают чертами анклавной вариативности текстов. В современном бытовании эпической традиции в большинстве случаев сохраняются устойчивые эпические формулы, мифологические представления, художественно-изобразительные средства, лексико-стилистические особенности, композиционная структура, этнопоэтические константы и формульность сказаний, характерные не только для общетувинской, но и южно-сибирской эпической традиции. Однако приходится констатировать, что в век научно-технического прогресса и глобализации нет интересующихся слушателей сказаний, кроме одного пожилого сказителя никто не владеет исполнением сказаний в традиционной речитативной форме, а исполнителей, знающих эпические произведения в прозаической форме, также остаются единицы. Описан репертуар современных исполнителей, у которых записаны героические сказания в стихотворной и прозаической формах; кратко охарактеризована степень изученности и фиксации эпических произведений у российских и китайских тувинцев. Выявлена ритуальная сторона исполнительской традиции в прошлом, определены запреты и предписания в сказительской традиции, которые необходимо соблюдать и слушателям, и сказителям. Во время полевых исследований нами отмечено, что в наши дни большая часть запретов и предписаний, кроме единичных, в силу угасания традиции сказительства уже не соблюдается, они остались только в памяти пожилых людей, которые были свидетелями исполнения *узу* *тоол* талантливыми сказителями. Рассмотрена постепенная трансформация жанров сказаний в разряд сказок, при которой теряются специфические черты героического эпоса, а именно – стихотворная форма и манера исполнения (речитативное и напевное).

Ключевые слова: тувинцы Китая, Синьцзян-Уйгурский автономный район, традиционный фольклор, анклавная традиция, бытование эпической традиции, современное состояние, героические сказания, сказители, угасание сказительской традиции, трансформация сказаний в сказки.

Благодарности: Статья подготовлена при финансовом содействии гранта РФФИ № 18-012-00400а «Современная эпическая традиция тувинцев Китая. Тексты и материалы».

Zh. M. Yusha

Heroic tales in the folklore tradition of the Chinese Tuvans

Abstract. The folklore tradition of the Chinese Tuvans until the beginning of the 21st century is a living and functioning system. A special place in it is occupied by the heroic epic-*uzun tool*. The article analyzes the specifics of the existence of heroic tales at the present stage. The epic tradition of the Chinese Tuvans today is represented by local versions of Tuvan tales that are known to Russian and Mongolian Tuvans. The heroic tales of the Chinese Tuvans have signs of a single common Tuvan epic tradition, but at the same time they have features of enclave

ЮША Жанна Монгеевна – д. филол. н., в. н. с. сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН (ИФЛ СО РАН), Новосибирск, Россия.

E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

YUSHA Zhanna Mongeevna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Sector of Folklore of Siberian Peoples, Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

E-mail: zhanna-yusha@yandex.ru

variation of texts. In the modern existence of the epic tradition, in most cases, stable epic formulas, mythological representations, artistic and visual means, lexical and stylistic features, compositional structure, ethnopoetic constants and formulas of legends are preserved, which are characteristic not only of the general Tuvan, but also of the South Siberian epic tradition. However, we have to state that in the age of scientific and technological progress and globalization, there are no interested listeners of tales, except for one elderly storyteller, no one knows how to perform tales in the traditional recitative form, and performers who know epic works in prose form also remain few. The article describes the repertoire of modern performers who have recorded heroic tales in verse and prose forms; briefly describes the degree of study and fixation of epic works among Russian and Chinese Tuvans. The author reveals the ritual side of the performing tradition in the past, defines the prohibitions and regulations in the storytelling tradition that must be observed by both listeners and storytellers. During field research, we noted that today most of the prohibitions and regulations, except for individual ones, are no longer observed due to the fading tradition of storytelling, they remained only in the memory of elderly people who witnessed the performance of *uzun tool* by talented storytellers. The article considers the gradual transformation of the genres of tales into the category of fairy tales, in which the specific features of the heroic epic are lost, namely, the poetic form and manner of performance (recitative and melodious).

Keywords: Chinese Tuvans, Xinjiang-Uyghur Autonomous region, traditional folklore, enclave tradition, existence of epic tradition, current state, heroic tales, storytellers, extinction of storytelling tradition, transformation of tales into fairy tales.

Acknowledgments: The article was prepared with the financial assistance of RFBR grant No. 18-012-00400a «Modern epic tradition of Chinese Tuvans. Texts and materials».

Введение

Фольклор тувинцев Китая в начале XXI в. до сих пор является устной традицией, где наблюдается преемственность и живое бытование многих жанров. Среди них особое место занимает героический эпос как вершина культурного наследия устно-поэтического народа, уникального памятника духовной культуры.

Цель статьи – охарактеризовать современную эпическую традицию тувинцев Китая. Предусмотрено решение следующих задач: рассмотреть фиксацию и изученность эпической традиции в тувиноведении, проанализировать роль героических сказаний в фольклоре, показать репертуар современных исполнителей, выявить запреты и предписания, характерные для исполнительской традиции, определить ритуальную сторону их исполнения, кратко проанализировать поэтику и формульность эпических произведений, рассмотреть черты угасания сказительства и трансформацию жанра героических сказаний. Поскольку тема анклавной эпической традиции в тувиноведении является неизученной, то в настоящей статье предпринята попытка проанализировать сказания с точки зрения степени традиционности и современного бытования, т. к. у китайских тувинцев, несмотря на трансформацию некоторых сказаний в сказки, все еще наблюдается живое исполнение сказаний в стихотворном и прозаическом вариантах.

Источниками статьи послужили полевые материалы автора, собранные среди тувинцев Китая в течение ряда полевых сезонов в 2010–2018 гг.

Фиксация и изученность эпической традиции в тувиноведении

Сказительское искусство китайских тувинцев, бытующее в живом исполнении, в настоящее время утрачено российскими тувинцами, а также многими тюркскими народами Сибири. В тувиноведении дальнейшее изучение эпических произведений не может быть успешным без учета самобытной эпической традиции китайских тувинцев, т. к. их устное народное творчество представляет собой фольклорный диалект общетувинской фольклорной традиции, в котором наблюдаются общие поэтические приемы и мифо-ритуальные представления. В сюжетно-композиционной структуре героических сказаний тувинцев Китая, хотя имеются общетувинские черты, отмечается небольшое варьирование текстов, имеются некоторые отличительные особенности в области лексико-стилистических средств.

Так, в эпической традиции китайских тувинцев названия сказаний почти совпадают с названиями героических сказаний тувинцев России и Монголии. Ср. кит. тув. *Буга-Чарын*, *Букту-Кириш* – росс. тув. *Боктуг-Кириш*, *Бора-Шээлей*; кит. тув. *Бөге-Сагаан-Тоолай* – росс. тув. *Мөге-Сагаан-Тоолай*; кит. тув. *Кунан-Хара-Баатыр* (другой вариант *Хунан-Кара*) – росс. тув.

Хунан-Кара [1, с. 95]. Кроме этого, их главные герои, мотивы и сюжеты, общие места идентичны фольклорным образцам российских и монгольских тувинцев, записанным в Республике Тыва в 1970-е гг. и в местах проживания тувинцев в сумоне¹ Цэнгэл Монголии [2]. По подсчетам эпосоведа С. М. Орус-оол, на территории Тувы «сказание “Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей” бытует почти во всех районах и существует в 17 вариантах с частными различиями в последовательности событий и отдельных эпизодов, именах главных и второстепенных персонажей» [3, с. 19].

У российских тувинцев эпический жанр является более изученным по сравнению с малыми жанрами тувинского фольклора. Первые научные записи эпических произведений осуществлены в конце XIX – начале XX в. русскими учеными В. В. Радловым [4], Г. Н. Потаниным [5], Н. Ф. Катановым [6], Ф. Я. Коном [7]. В 1960–1970 гг. в пору живого бытования сказительского искусства усилиями сотрудников ТИГПИ (бывший ТНИИЯЛИ), а также учителей школ и энтузиастов-любителей зафиксированы многие героические сказания. Эпическим произведениям российских тувинцев посвящены научные статьи, монографии: Л. В. Гребнев [8], С. М. Орус-оол [3; 9; 10], Л. К. Хертек [11], М. Н. Ондар [12] и др., а также изданы сборники фольклорных текстов [13; 14; 15; 16; 17]. Совсем другую картину наблюдаем у китайских тувинцев – их фольклорная традиция до XXI в. целенаправленно не собиралась и не изучалась, в мировой и отечественной гуманитарной науке не имеются работ, посвященных фольклору тувинцев Китая. Между тем, устное народное творчество китайских тувинцев до настоящего времени является частью традиционной культуры, живой и функционирующей системой. К сожалению, в научной литературе представлен только один неполный образец эпических памятников тувинцев Китая. Так, фрагмент сказания «Буга-Чарын, Букту-Кириш», состоящее из 511 стихотворных строк, записан китайским ученым Сонг Чжэнчунем в ходе полевых работ среди тувинцев в 1980-е гг. Исследователь поместил образец эпического произведения в приложении своей монографии в качестве языкового материала с переводом на китайский язык [18, с. 210–258]. Поскольку язык китайских тувинцев является бесписьменным, для передачи героического сказания в письменном виде ученым использована транскрипция текстов с латинской графикой, выполненная по международным фонетическим стандартам. В тексте исследователь постарался учесть и отразить звуковой строй тувинского сказания. Однако фольклорный текст не имеет паспортных данных – не указаны имя и возраст исполнителя, дата и место записи. Тем не менее научная ценность этой записи уникальна, поскольку сказание записано в пору активного бытования сказительской традиции.

Автор статьи во время своих экспедиций в 2010–2018 гг., проведенных среди китайских тувинцев, зафиксировала в различных вариантах образцы пяти героических сказаний: «Силач Сагаан-Тоолай», «Хунан-Кара», «Буга-Чарын, Букту-Кириш». Они записаны от трех исполнителей разного возраста в стихотворном и прозаическом вариантах, которые не считают себя сказителями, но помнят и рассказывают эти сказания. К моменту наших экспедиций не осталось профессиональных сказителей, которые в народной памяти обладали необычным даром исполнения сказаний. Несмотря на это обстоятельство, записанные материалы очень ценные, поскольку мы имеем дело с носителями традиционной культуры и эпической традиции, которые помнят талантливых сказителей и традицию исполнения эпоса, когда эпическая традиция была в расцвете.

Героические сказания в фольклоре китайских тувинцев

В годы культурной революции в Китае (1966–1976) тувинцам запрещали исполнять произведения устного народного творчества. Несмотря на эти запреты, в силу удаленности и изолированности территории расселения тувинцев в Синьцзянь-Уйгурском автономном районе, и по этой причине отсутствия контроля со стороны властей, фольклорная традиция продолжала бытовать в народной среде [1, с. 96], многие сказители исполняли свой репертуар перед заинтересованными слушателями. Как отмечают информанты, вплоть до середины 1990-х гг., в селениях проживания тувинцев не было ни телевизора, ни радио. Поэтому в то время от мала

¹ Сумон – наименьшая административно-территориальная единица в Республике Тува, Монголии и во Внутренней Монголии.

до велика с удовольствием слушали репертуар местных сказителей, бытовала живая эпическая традиция, были талантливые сказители и их аудитория. Например, тувинцы дер. Ак-Хава среднего и пожилого поколений вспоминают, что в середине 1990-х гг. вечерами многие собирались у сказителя Чайсана, чтобы послушать его сказания.

Термином *тоол* тувинцы Китая обозначают героический эпос и сказки, как и российские и монгольские тувинцы. По объему повествования носители фольклорной традиции выделяют *узун тоол* (букв. «длинная сказка») и *кыска тоол* (букв. «короткая сказка»), что соответствует жанрам сказаний и сказок [1, с. 93]. Исполнителей героического эпоса, как и принято в общетувинской традиции, китайские тувинцы называют *тоолчу*.

По свидетельствам информантов, героический эпос раньше исполняли в двух формах: *хоочулань айтыр* (речитативное исполнение) и *алгань айтыр* (напевное исполнение) [20, с. 90]. Известными сказителями были Чайсан, Шавыжык, Озугур, Балдан, Дугурек, Дамдыдай, которые снискали любовь и уважение не только у тувинского населения, но и у казахов. По объяснениям пожилых людей, в то время живших с известными сказителями, их приглашали и казахи. Это может свидетельствовать о хорошем знании ими казахского языка, на котором исполняли героические сказания тувинцев перед казахами. Каждая местность в прошлом славилась своими сказителями. В свою очередь, сказители обучали одаренных и красноречивых людей исполнению эпоса. Возможно, что в местах проживания китайских тувинцев раньше имелись разные сказительские школы, которые представляли собой микро-локальные традиции.

По воспоминаниям информантов, раньше местными сказителями исполнялось множество героических сказаний: «Одинокый Эрсен-оол» («Эр-чангыс Эрсен-оол»), «Буга-Чарын, Букту-Кириш», «Эр-Агыын», «Силач Сагаан-Тоолай» («Бөге-Сагаан-Тоолай»), «Богатырь Кунан-Хара» («Кунан-Хара-Баатыр»), «При взрослении не имеющий возраста, при смерти не имеющий душу Эр-Дунсай» («Өзерде чажы чок, өлүрде тыны чок Эр-Дунсай») и др. [1, с. 94]. Тувинские сказители, кроме сказаний на тувинском языке, героические сказания исполняли и на монгольском. Из них самыми известными сказаниями в среде тувинцев были ойратский эпос «Джангар» (тув. «Чаңгар»), монгольские – «Гэсэр» (тув. «Кезер»), «Богатырь Хан-Хара» (тув. «Хан-Хара-Баатыр»).

Репертуар современных исполнителей

У тувинцев Китая в наши дни еще можно услышать живое исполнение сказаний не только в стихотворной, но и в прозаической форме. В ходе первой экспедиции 2010 г. нам стало известно о бытовании сказительского искусства у китайских тувинцев. По сведениям информантов, человеком, хорошо знающим сказания был Тыыдык, 1938 г. р., из рода хара-тош, проживающий в чабанской стоянке близ селения Ханас. В первую поездку, поскольку экспедиционное время совпало с сенокосом, не удалось встретиться со сказителем, находящимся в труднодоступной местности, занятым на сенокосе. Во время второй экспедиции – зимой 2011 г., во время празднования *Шагаа* – встречи Нового года по лунному календарю, впервые мы встретились со сказителем Тыыдыком. Однако и во время этой встречи мы не смогли записать репертуар этого сказителя. Оказалось, что у китайских тувинцев, согласно их мифологическим представлениям, существует соблюдаемый запрет на рассказывание героических сказаний после наступления Нового года. В случае нарушения запрета считается, что весна будет долгой, затяжной, и будет падеж скота. Кроме этого, другим препятствием для проведения записи послужило и то, что во время празднования *Шагаа*, к сказителю Тыыдыку, как к старейшему представителю рода хара-тош, приезжали родственники, чтобы получить от него новогоднее благословение [20, с. 187]. Только во время третьей экспедиции 2011 г. впервые нам удалось записать от него три сказания, относящиеся к архаическому типу в форме традиционного напевного речитатива без музыкального сопровождения: «Буга-Чарын, Букту-Кириш», «Силач Сагаан-Тоолай» и «Богатырь Кунан-Хара», которые являются широко известными эпическими произведениями в среде китайских тувинцев. Общий объем записанных нами героических сказаний в стихотворной форме составляет: «Буга-Чарын, Букту-Кириш» – 1365 строк, «Силач Сагаан-Тоолай» – 730 строк, «Богатырь Кунан-Хара» – 470 строк. Из всех героических сказаний только в «Буга-Чарын, Букту-Кириш» имеется главный женский персонаж, который выступает в брачных состязаниях от имени погибшего брата, добывает ему трех жен – красавиц-дочерей Ай,

Хун, Чес-ханов. Этот персонаж идентичен персонажу Бора-Шээлей в сказании российских тувинцев «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», где «молодая девушка выступает в качестве главной героини, хотя действует от имени и в облики мужчины – своего брата» [10, с. 9].

Краткие же варианты этих сказаний бытуют в репертуаре молодых исполнителей в прозаической форме. Например, в репертуаре Монгунчыргала (1988 г. р., род кызыл-соян) имеются сказания «Силач Сагаан-Тоолай», «Богатырь Кунан-Хара» [19, с. 94–95]. Как рассказал нам Монгунчыргал, он с детства слушал героические сказания от своей бабушки, которая любила их рассказывать в зимние вечера своим внукам. Он еще отмечал, что эти сказания настоящими сказителями обычно исполнялись в речитативной форме – *алганып аайтыр*. Летом 2016 г. в деревне Хом удалось нам записать вариант сказания «Силач Сагаан-Тоолай» в прозаической форме от Манзаарака, 1936 г. р., из рода кызыл-соян, который исполнил сказание по нашей просьбе.

Поскольку тувинцы с давних пор имели с монголами культурно-исторические связи, жили с ними по соседству, в официальном делопроизводстве использовали старомонгольскую письменность, то местное население хорошо знало и монгольский язык. Подобно другим сказителям, жившим в 50–60-е гг. XX в., репертуар Тыыдыка является двуязычным (тувинский и монгольский языки). По его словам, такие монументальные произведения, как «Кезер» («Гэсэр»), «Хан-Хара-Баатыр» («Богатырь Хан-Хара»), он раньше исполнял на монгольском языке. Эти произведения тувинские сказители никогда не исполняли на родном языке, и потому эти сказания не подверглись переработке, вариативности и переводу на тувинский, что говорит о заимствованной традиции. Названные произведения не вошли в тувинский фольклорный фонд, поскольку слушатели кроме родного языка хорошо знали монгольский язык.

Сказитель Тыыдык в последние годы проживает в семье старшего сына вблизи селения Ханас. Всю жизнь занимался скотоводством, охотился. Он является одним из самых опытных охотников округи. Как вспоминает сам Тыыдык, он с детства слышал исполнение героических сказаний (*узун тоол*) знаменитыми тувинскими сказителями, такими, как: Дугурек из рода ак-соян, Дамдыдай из рода хара-соян. Именно их репертуар он перенял и считает их своими учителями. Он сам признается: «Каждый раз слушая сказания этих великих сказителей, я постепенно запоминал сюжетную линию, персонажей. Когда оставался один, воспроизводил вслух по памяти услышанное, тренировался, чтобы также достойно исполнить перед будущими слушателями. Впоследствии через несколько лет сам начал рассказывать эти сказания возле охотничьего костра своим соплеменникам, во время промысла в тайге. А с появлением своих детей, когда они чуть подросли, с удовольствием стал исполнять эти сказания им» [20, с. 187].

Предписания и запреты в исполнительской традиции

В тувинском обществе *тоолчу* были почитаемыми людьми, их авторитет у тувинцев был высок, их старались приглашать на любые торжества и празднования. В условиях современного бытования сказительской традиции, как подтверждают наши полевые исследования, утеряно сакральное отношение к эпосу. В наши дни у китайских тувинцев уже не соблюдаются запреты, обязательные в прошлом для исполнительской традиции тувинцев, а именно: нельзя прерывать и утаивать сказание, т. к. по мифологическим воззрениям тувинцев, это грозило исполнителю карой от духа-хозяина сказания. Кроме этого, утрачена и ритуальная сторона исполнения эпических произведений. Как рассказывают информанты, если в пору активного бытования эпоса перед исполнением *узун тоол* сказители обязательно проводили обряд *саң салыр* (разжигание жертвенного костра), посвященного *тоол ээзи* (духу-хозяину *тоол*), то теперь этот ритуал не проводится, это осталось только в памяти пожилых носителей традиции, представители молодого поколения уже не знают о существовании такого обряда в прошлом [1, с. 96]. Кроме этого, по рассказам информантов, в честь признания заслуг и авторитета сказителя его обязательно сажали на белый войлочный коврик, т. к. использование белого цвета в тувинской культуре символизирует уважительное и сакральное отношение к нему. Как вспоминает Шоорун, дочь сказителя Дугурека, раньше сказителю в знак благодарности и в качестве отдарка дарили живого барана: *Тоол алгаарда, хойун баглап бээр* 'Когда исполняли *тоол*, то ему (сказителю) барана привязывали'. Кроме этого, она подтвердила рассказ и других информантов о существовании негласного правила: сказитель обязательно должен был завершить начатое сказание: *Тоолду чаавел доозар* 'Тоол обязательно должен быть завершен' (инф. Шоорун, зап. в Ханасе в 2012 г.).

Это предписание об обязательном завершении начатого сказания или сказки наблюдается у российских и монгольских тувинцев, а также у шорцев [21, с. 30–31]. В настоящее время несмотря на утерю некоторых предписаний исполнительской традиции, носителями культуры соблюдаются следующие запреты, основанные на мифологических представлениях, как «нельзя исполнять сказания и сказки после наступления Нового года, в противном случае весна будет затяжной и будет падеж скота», существовавшее воззрение в южносибирской эпической традиции [21; 22].

У российских тувинцев героические сказания исполнялись и во время похорон. «Для сказывания во время похоронных обрядов лишь некоторые произведения эпоса считались подходящими. Известный сказитель Баазанай Тюлюш рассказывал эпос “Ара-Малчын-хан с тремя ханшами” и “Чадан-Ноян-хан”, а сказитель Сурунчап Тюлюш – эпос “Владеющая тремя мирами Сагаан-Дарийги» [3, с. 16]. Однако у китайских тувинцев во время похорон героические сказания никогда не исполнялись, т. е. сказания в похоронно-поминальных ритуалах не выполняли обрядовую функцию. В то же время существовало схожее поверье с тюркскими народами Сибири, о том, что на промысле охотники должны исполнять сказания с тем, чтобы задобрить духа-хозяина тайги и получить богатую добычу. По народным воззрениям материнской традиции обычно хозяйкой тайги выступает молодая девушка или женщина. Для китайских тувинцев дух-хозяин Алтая Ак-Огбен является хозяином всей территории Китайского Алтая и всего, что находится на ней: природных объектов, скота, зверей. Поэтому пытаюсь ублажить слух Ак-Огбена, охотники вечерами исполняли *узун тоол*, с тем, чтобы получить от него богатую добычу. В плане иерархии Ак-Огбен выше всех духов-хозяев рек, озер, гор, местностей, что может говорить об изменении в мифологической системе в сторону монотеизма.

О поэтике и формульности эпических произведений

Фольклорная традиция китайских тувинцев, оказавшихся в иноэтничной среде, сохраняет основные черты материнского поля. В героических сказаниях тувинцев Китая отмечаются устойчивость и движение во времени, преемственность фольклорной традиции, особенности национального языка, мифологических представлений, образность многих поэтических формул, иллюстрирующих традиционное мировоззрение тувинцев, их взгляды на окружающий мир. В них встречаются устойчивые формульные выражения, мифопоэтические воззрения, типические места, характерные для общетувинской традиции. Поскольку в рамках одной статьи невозможно представить все многообразие и богатство поэтической системы героических сказаний, то здесь кратко перечислим ее особенности. Так, представления о душе-*тын* человека являются одним из ключевых моментов в культуре тувинцев. В мифологических воззрениях тувинцев, потеря души-*тын* влечет за собой болезнь или смерть человека. В эпической традиции тувинцев Китая также имеются отголоски этих представлений. К примеру, в сказаниях Тыдыдыка подробно описываются, как противники героя, проигравшие состязание, добровольно сообщают ему о нахождении в каком-либо предмете/месте своей души-*тын*, чтобы он незамедлительно смог их убить. Видимо, это связано с теми воззрениями, что богатырь, проигравший битву, не должен уронить честь и достоинство. Например, противник Силача Саган-Тоолая перед смертью сообщает: *Мен амытан алдынга / Кирип чоруваан кижии ук мен...* ‘Меня никогда / Никто не побеждал...’ [23, стр. 272–273].

Интересны устойчивые эпические формулы о времени, которые встречаются и у российских тувинцев. Так, в кратком варианте сказания «Буга-Чарын, Букту-Кириш», зафиксированного С. Чжэнчунем, два раза присутствует формула о быстром течении времени, когда персонажи сказаний узнавали календарный сезон года по определенным признакам: *Чай болганын шалыныннан билип, / Кыш болганын хыраазынан билип* ‘О лете узнавали по росе, / О зиме узнавали по инею’¹ [18, с. 225–226]. Упоминания о временах года в современных сказаниях нередко переходят и в другую формулу, характеризующую длительность и продолжительность какого-либо действия, совершаемыми героями: *Чайлай-кыштай...* ‘За лето, за зиму...’. Напряженная борьба богатырей-противников часто рисуется формулой, описывающей изменение географического ландшафта: Так боролись, что поляну сделали горой, / Так боролись, что гору сделали поляной;

¹ Переложение транскрипции на кириллицу и перевод автора.

/ Пустынное место рекой сделав, / Реку пустынным местом сделав, / Озером сделав, так борются [23, стр. 253–254].

В большинстве случаев эпические формульные выражения схожи с материнской традицией. В «Буга-Чарын, Букту-Кириш» в эпизоде, где сестра хочет захоронить останки брата в скале, наблюдается полное совпадение. У китайских тувинцев: *Чалым хаям частып бер, / Чангызымны сугайын...* ‘Утес-скала моя, раскройся! Единственного (брата) положу...’ [24, стр. 353–355]. У российских тувинцев: *Чалым хаям, чарлы берем, / Чангыс акым суп каайн...* ‘Утес-скала моя, откройся: Положу моего единственного брата...’ [3, с. 326–327].

В композиционной структуре сказаний китайских тувинцев присутствуют разные мотивы и сюжеты, в которых прослеживаются отголоски древних мифо-ритуальных традиций. Например, в «Хунан-Кара» представлен распространенный в сибирском сказительстве мотив измены сестры героя сказания. В финальной части эпоса для ее наказания используют древний способ бескровного умерщвления, описанного в разных фольклорных и литературных источниках: *Чеди аңгы-ла үзе тыртып чой баар* ‘[Кобылицы] на семь разных частей [сестру] разрывают’ [25, стр. 429].

Эпическая традиция, как и любой фольклорный жанр, подвержена влиянию времени. В сказаниях Тыыдыка при описании внешности героя встречается сравнение с биноклем глаз эпического персонажа, который относится к более позднему слою эпоса: *Дуран болган караанан...* ‘Глазами, подобными биноклю...’ [23, стр. 17]. Обращает на себя внимание и описание внешности врага: *Иргээ дижи чайнаңнаан / Сексигир бажы сексеңнэн...* ‘Передними зубами сверкая, / Лохматыми волосами развевая...’ [24, стр. 26–27]. Возможно, что лохматость – признак инаковости врага, его принадлежность к другому миру, т. к. волосы в традиционной культуре тувинцев играют большую роль в определении статуса человека.

В языке сказаний китайских тувинцев, как принято у кочевников, сравнения построены на уподоблении домашнему скоту: камень размером с корову (*инекшииги таи*), величиной с трёхлетнюю корову... (*кунан инекшии...*) и др. Обычно полные имена эпических персонажей состоят из сложносоставных имен, имеющих два или три компонента: Хунан-Хара баатыр, Сагаан-Тоолай, Буга-Чарын и др. В речевой культуре тувинцев сложные имена могут сокращаться до одного или двух компонентов. Поэтому сказитель иногда употребляет только первую часть имен героев – Хунан, Сагаан и др. Использование только первой части имени носит уменьшительно-ласкательное значение, говорит о добром отношении сказителя к эпическому герою.

В настоящее время язык героических сказаний тувинцев Китая все еще представлен народно-поэтическими средствами, в них широко используются парные слова, в некоторых диалогах персонажей наблюдается присутствие слов высокого стиля. В то же время в лексике эпоса нередко встречаются заимствованные монгольские и казахские слова, как результат языковой ситуации в Синьцзяне. Так, в одном предложении наряду с тувинским словом может быть использовано заимствованное слово, обозначающее одинаковое понятие. Это явление связано с языковой компетенцией китайских тувинцев, которые кроме родного языка достаточно хорошо владеют монгольским и казахским языками.

Угасание сказительской традиции и постепенная трансформация жанра сказаний

В наши дни в связи с возрастанием роли телевидения и иных средств культурного досуга (просмотр художественных, научно-популярных, документальных фильмов, мультфильмов, передач для детей на других языках) наблюдается угасание не только функционирования жанра героических сказаний, но и других фольклорных жанров таких как: сказки, пословицы и поговорки, загадки. Говоря о современной фольклорной ситуации, многие информанты отмечали, что произведения устного народного творчества с уходом пожилых людей в памяти нынешнего поколения не сохранились из-за отсутствия национальной письменности. По их мнению, народы, проживающие с ними по соседству (казахи и монголы), благодаря своей национальной письменности смогли сохранить свой фольклор. Вполне очевидно, что некоторые фольклорные образцы постепенно утрачиваются, поскольку вовремя не было зафиксировано их живое бытование [1, с. 96].

В народной среде рассказывание сказаний упрощается, т. к. это связано и с тем, что нет интересующихся слушателей, которые могли бы уделить свое время современным исполнителям.

В связи с невостребованностью эпических произведений молодое поколение не знает эпический репертуар и персонажей сказаний. В этой ситуации, некоторые мотивы и сюжеты героических сказаний трансформируются, переходят в разряд сказок, которые исполняются в прозаической форме. Так, вариант сказания «Силач Сагаан-Тоолай» («Бог-Сагаан-Тоолай») исполняется в краткой прозаической форме как сказка под названием «Ишкитей, Хургутай» именами старших братьев главного героя – Бог-Сагаан-Тоолая. В некоторых произведениях из-за прозаической формы исполнения теряются черты жанра сказаний, но их можно выявить по обрывочным остаткам устойчивых формул, характерных для общетувинской эпической традиции. Например, для описания злого мифологического персонажа употребляют одну и ту же формулу, как и в эпосе: *бир кулаан шугланган, бир кулаан дэженген* ‘одним ухом укрывшись, одно ухо под себя подложив’; *өштүг черивистен өжүвүстү алаакай, кылыктыг черивистен кылывысты алаакай* ‘где имеем месть – там отомстим, где разлились – там победим’ [1, с. 97].

Заключение

Современная эпическая традиция тувинцев Китая в наши дни встречается в живом бытовании. Она представлена локальными вариантами тувинских сказаний, которые известны российским и монгольским тувинцам, свидетельствующими о единой общетувинской фольклорной традиции, варьированием фольклорных произведений в анклавах. Проведенный анализ показывает, что в эпической традиции тувинцев Китая происходят определенные изменения и трансформации, вызванные объективными обстоятельствами и современной действительностью. В век научно-технического прогресса и глобализации нет интересующихся слушателей сказаний, приходится констатировать, что кроме одного пожилого сказителя никто не владеет исполнением сказаний в традиционной речитативной форме, а исполнителей, знающих эпические произведения в прозаической форме, также остаются единицы. Жанр героических сказаний постепенно трансформируется в разряд сказок, теряются специфические черты героического эпоса. В то же время можно отметить и то, что сохраняются устойчивые эпические формулы, мифологические представления, художественно-изобразительные средства, лексико-стилистические особенности, композиционная структура, этнопоэтические константы и формульность сказаний, характерные не только для общетувинской традиции, но и для саяно-алтайских народов.

Перспективными аспектами для дальнейшего изучения этой темы являются: выявление сюжетно-тематического состава героических сказаний тувинцев Китая, определение богатства и разнообразия эпического репертуара, рассмотрение вариативности или устойчивости сюжетно-композиционной структуры эпоса, мифологических образов и персонажей, выявление устойчивых формул и типических мест, характеристика лексических и стилистических особенностей языка сказаний, исследование этнопоэтических констант, а также изучение и сопоставление героических сказаний китайских тувинцев в рамках южно-сибирской эпической традиции.

Литература

1. Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века : структура, семантика, прагматика : дис... д. филол. н. – Новосибирск, 2017. – 434 с.
2. Сказки и предания алтайских тувинцев / Собр. Э. Таубе, пер. с нем. Б. Е. Чисовой. – Москва : Восточная литература, 1994. – 382 с. – (Сказки и мифы народов Востока).
3. Тувинские героические сказания // Сост., вст. статья, подготовка текстов, подстрочный перевод, комментарии и словари С. М. Орус-оол ; перевод текстов, комментарии к переводу А. В. Кудиярова. – Новосибирск : Наука, 1997. – 582 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 12). (На тувинском и русс. яз.)
4. Радлов В. В. Поднаречья Алтая. Ч. 1 // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1866. – С. 399–409.
5. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып. 4. – Санкт-Петербург : Типография В. Киришбаума, 1883. – С. 167–648.
6. Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Ч. 9 // Образцы народной литературы тюркских

племен, изданные В. В. Радловым. – Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1907. – С. 1–181.

7. Кон Ф. Я. Экспедиция в Сойотию. За пятьдесят лет. Т. 3. – Москва : Советский писатель, 1934. – С. 174–209.

8. Гребнев Л. В. Тувинский героический эпос (Опыт историко-этнографического анализа). – Москва : Восточная литература, 1960. – 145 с.

9. Байсклан (Орус-оол) С. М. Поэтика тувинского героического эпоса. – Кызыл : Тувинское кн. изд-во, 1987. – 72 с.

10. Орус-оол С. М. Тувинские героические сказания (Текстология, поэтика, стиль). – Москва : МАКС ПРЕСС, 2001. – 424 с.

11. Хертек Л. К. Мифологические традиции в тувинских героических сказаниях. Сюжеты и образы : дис... к. филол. н. – Москва, 2005. – 212 с.

12. Ондар М. В. Стандарты, отражающие время, в тувинских героических сказаниях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 1 (67) : в 2 ч. Ч. 2. – С. 157–163.

13. Алдай-Буучу : Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания] / Сказитель Б. Ч. Салчак, сост. С. М. Орус-оол. – Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1993. – 288 с. (На тувинском яз.)

14. Ары-Хаан : Тыва маадырлыг тоолдар [Ары-хан : Тувинские героические сказания] / Сказитель Д. Д. Салчак, сост. С. М. Орус-оол. – Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1996. – 205 с. (На тувинском яз.)

15. Бокту-Кириш, Бора-Шээлей : Тыва маадырлыг тоолдар [Тувинские героические сказания] / Сказитель Ч. У. Иргит, сост. С. М. Орус-оол. – Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1995. – 222 с. (На тувинском яз.)

16. Далай-Байбын хаан : Тыва маадырлыг тоолдар [Далай-Байбын хан : Тувинские героические сказания] / Сказитель Б. Х. Тюлюш, сост. С. М. Орус-оол. – Кызыл : Тываның ном үндүрер чери, 1994. – 234 с. (На тувинском яз.)

17. Тыва улустун тоолдары : Тываның тоолчуларының II дугаар следунун материалдары [Тувинские героические сказания и сказки : Материалы II слета сказителей Тувы 1962 г.] / Сказители С. Д. Дондук, Х. С. Монгуш, Д. С. Кашкак и др. ; Сост., вступ. ст., коммент. С. М. Орус-оол. – Кызыл, Абакан : ООО ИПП Журналист, 2012. – С. 27–225. (На тувинском яз.)

18. Zhengchun S. 图瓦语和图瓦人的多语生活 (Тувинский язык и мультиязычная жизнь тувинцев Китая). – Beijing : [б. и.], 2016. – 348 с. (На китайском яз.)

19. Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века. Структура. Семантика. Прагматика. – Новосибирск : Наука, 2018. – 400 с.

20. Юша Ж. М. Сказитель Тыыдык – хранитель эпической традиции тувинцев Китая // Героический эпос и сказительское искусство народов Евразии : сохранение, изучение и популяризация : материалы Всероссийской науч.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения сказительницы Н. Черновой / Отв. ред. Н. В. Екеев. – Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2019. – С. 185–191.

21. Шорские героические сказания / Вступ. ст., подг. текста, пер., коммент. А. И. Чудоякова. – Москва ; Новосибирск : Наука, 1998. – 463 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 17). (На шорском и русс. яз.)

22. Хакасский героический эпос : Ай-Хуучин / Запись и подг. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой. – Новосибирск : Наука, 1997. – 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока ; Т. 16). (На хакасском и русс. яз.)

23. Рукопись сказания «Бөге Сагаан-Тоолай» / Запись, расшифр., перевод Ж. М. Юша // Полевые материалы Ж. М. Юша, собранные среди тувинцев Китая в период 2010–2018 гг. – 105 л.

24. Рукопись сказания «Буга-Чарын, Букту-Кириш» / Запись, расшифр., пер. Ж. М. Юша // Полевые материалы Ж. М. Юша, собранные среди тувинцев Китая в период 2010–2018 гг. – 135 л.

25. Рукопись сказания «Хунан-Кара» / Запись, расш., пер. Ж. М. Юша // Полевые материалы Ж. М. Юша, собранные среди тувинцев Китая в период 2010–2018 гг. – 102 л.

References

1. Yusha Zh. M. Folklore and ritual of the Tuvans of China at the beginning of the XXI century: structure, semantics, pragmatics. Dissertation of Doctor of Philological Sciences. Novosibirsk, 2017, 434 p. (In Russ.)
2. Tales and legends of the Altai Tuvans. Coll. by E. Taube, transl. from German by B. E. Chistova. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1994, 382 p. (Tales and myths of the peoples of the East). (In Russ.)
3. Tuvan heroic tales. Comp., article, text preparation, comm. and dictionaries by S. M. Orus-ool; comm. to transl. by A. V. Kudiyarov. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997, 582 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 12). (In Tuvan and Russ.)
4. Radlov V. V. Sub-dialects of the Altai. Part 1. In: Samples of folk literature of the Turkic tribes living in southern Siberia and the Dzungarian steppe. Saint Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1866, pp. 399–409. (In Russ.)
5. Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia. Iss. 4. Saint Petersburg, V. Kirshbaum Printing house, 1883, pp. 167–648. (In Russ.)
6. Katanov N. F. Adverbs of Uriyangkhai (Soyots), Abakan Tatar and Karagas. Texts coll. and transl. by N. F. Katanov. Part 9. In: Samples of folk literature of the Turkic tribes, published by V. V. Radlov. Saint Petersburg, Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1907, pp. 1–181. (In Russ.)
7. Kon F. Ya. Expedition to Coyotey. For fifty years. Vol. 3. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1934, pp. 174–209. (In Russ.)
8. Grebnev L. V. Tuvan heroic epic (experience of historical and ethnographic analysis). Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1960, 145 p. (In Russ.)
9. Baysklan (Orus-ool) S. M. Poetics of the Tuvan heroic epic. Kyzyl, Tuvan Book Publ. House, 1987, 72 p. (In Russ.)
10. Orus-ool S. M. Tuvan heroic legends (Textual criticism, poetics, style). Moscow, MAKSPRESS Publ., 2001, 424 p. (In Russ.)
11. Hertek L. K. Mythological tradition in the Tuvan heroic legends. Plots and images. Dissertation of Candidate of Philological Sciences. Moscow, 2005, 212 p. (In Russ.)
12. Ondar M. V. Standards reflecting the time in the Tuvan heroic tales. *Philology. Theory & Practice*. 2017, No. 1 (67): in 2 vol. Vol. 2, pp. 157–163. (In Russ.)
13. Alday-Buuchu: Tuvan heroic tales. Narrator B. Ch. Salchak, comp. S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan Book Publ. House, 1993, 288 p. (In Tuvan)
14. Ary-khan: Tuvan heroic tales. Narrator D. D. Salchak, comp. S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan Book Publ. House, 1996, 205 p. (In Tuvan)
15. Boktu-Kirish, Bora-Sheeley: Tuvan heroic tales. Narrator Ch. U. Irgit, comp. S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan Book Publ. House, 1995, 222 p. (In Tuvan)
16. Dalay-Baybyn khan: Tuvan heroic tales. Narrator B. H. Tyulyush, comp. S. M. Orus-ool. Kyzyl, Tuvan Book Publ. House, 1994, 234 p. (In Tuvan)
17. Tuvan heroic tales and fairy tales: materials of the 2nd meeting of Tuva narrators, 1962. Narrators S. D. Donduk, H. S. Mongush, D. S. Kashkak, etc. Comp., introduction, comm. by S. M. Orus-ool. Kyzyl, Abakan, Zhurnalist Publ., 2012, pp. 27–225. (In Tuvan)
18. Zhengchun S. Tuva Language and the multi-lingual life of the Tuvan people in China. Beijing, 2016, 348 p. (In Chinese)
19. Yusha Zh. M. Folklore and ritual of the Tuvans of China at the beginning of the XXI century. Structure. Semantics. Pragmatics. Novosibirsk, Nauka Publ., 2018, 400 p. (In Russ.)
20. Yusha Zh. M. Narrator Tydyk guardian epic tradition of Tuvans of China. In: Heroic epic and storytelling art of the peoples of Eurasia: preservation, study and popularization. Materials of the all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the storyteller N. Chernova. Ed. N. V. Ekeev. Gorno-Altaysk, S. S. Surazakov Research Institute of Altaistics Publ., 2019, pp. 185–191. (In Russ.)

21. Shor heroic tales. Transl., comp. by A. I. Chudoyakov. Moscow, Novosibirsk, Nauka Publ., 1998, 463 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 17). (In Shor and Russ.)

22. Khakas heroic epic: Ai-Huuchin. Rec., comp. by V. E. Maynogasheva. Novosibirsk, Nauka Publ., 1997, 479 p. (Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East; Vol. 16). (In Khakas and Russ.)

23. The manuscript of tales of the “Boge Sagaan-Toolay”. Recording, decoding, transl. by Zh. M. Yusha. In: Field materials of Zh. M. Yusha, collected among the Tuvans of China in the period 2010–2018. 105 sh. (In Tuvan and Russ.)

24. The manuscript of tales of the “Buga-Charyn, Buktu-Kirish”. Recording, decoding, transl. by Zh. M. Yusha. In: Field materials of Zh. M. Yusha, collected among the Tuvans of China in the period 2010–2018. 135 sh. (In Tuvan and Russ.)

25. The manuscript of tales of the “Hunan-Kara”. Recording, decoding, transl. by Zh. M. Yusha. In: Field materials of Zh. M. Yusha, collected among the Tuvans of China in the period 2010–2018. 102 sh. (In Tuvan and Russ.)